

ИВАН ЕВСЕЕНКО

БИТВА

РАССКАЗ

В самом раннем, дошкольное ещё возрасте, да и в первые уже школьные годы был Стёпа Колокольников мальчишкой тихим и даже робким. Чуть затеется где ребячья свара, он сразу отпрянет в сторону, а то и вообще убежит домой. Но годам к восемнадцати-девятнадцати тишину и робость свою Стёпа оставил и объявился вдруг парнем задиристым и неуживчивым. Завёл он себе красную выходную рубашку (куда твой Стенька Разин; его и стали сразу дразнить Стенькой Разиным) и в этой рубашке красовался на любом деревенском празднестве: на свадьбах, на проводах в армию, в пасхальные и престольные, храмовые дни. Но ладно бы — красовался (кто в молодости не любит покрасоваться, позагориться, кому не хочется выказать свою удаль и молодечество на миру, особенно если хороводятся и глядят на тебя во все глаза ровесницы-невесты), а то ведь, выпив рюмку-другую, вымётывался Стенька в круг, рвал на груди кумачовую свою рубаху и задирался к любому и каждому:

— Ну, выходи, кто смелый!

Поначалу деревенские ребята, которых он понапрасну задирали, тоже распаялись, выбегали в круг и били Стеньку нещадным боем, поскольку он, хоть и был задиристым и крикливым, а в драках не так уж, чтоб и ловким.

Но потом, с годами, ребята на его вызов никак не откликались, сдерживали себя, и вовсе не потому, что не находилось смелых и храбрых, а пото-

ЕВСЕЕНКО Иван Иванович родился в 1943 году в селе Займище Щорского района Черниговской области. Окончил Литинститут им. А. М. Горького. Автор многих книг прозы. Лауреат литературных премий им. И. А. Бунина, им. А. П. Платонова, им. И. С. Тургенева "Бежин луг". Член Союза писателей России. Живёт в Воронеже.

му, что с дураком связываться не хотелось. Они так и говорили Стеньке в глаза, принародно. Он взвизывался ещё сильнее, хватался за жерди и кольца, но постепенно затихал и шёл домой в понапрасну порванной рубахе не битый, не окровавленный, чему кажется, очень огорчился.

Повзрослев, Стенька, глядишь, и вовсе успокоился бы, коль нет ему достойных честолюбивых противников.

И вдруг такой противник объявился.

Наша деревенская девчонка Наташа Онищенко вышла в самой Москве замуж за серьёзного возрастного уже парня, Руслана, не то татарина, не то казаха. Сыграв городскую, не больно многолюдную свадьбу, молодые приехали в деревню, и тут родители Наташи, люди зажиточные и горделивые, решили сыграть для любимой единственной дочери свадьбу повторную, по всем деревенским обычаям и обрядам.

На эту свадьбу был зван и Стенька Колокольников. Он доводился Наташе хоть и дальним, но всё-таки родственником (троюродным братом), а в деревне так заведено, что родню, пусть и дальнюю, на праздник, да ещё такой, как свадьба, зовут непременно, иначе будет укоризна и кровная обида на долгие годы.

Само собой разумеется, что пришёл Стенька в гости в красной своей с косым воротом рубахе. В первые часы гуляния вёл он себя достойно и разумно, расплетал даже Наташе на правах брата (иных, более близких братьев у нее не было) косу. Но потом заметно стал беспокоиться, тяжелеть взглядом, пить больше, чем полагалось бы брату невесты. Когда же молодёжь, притомившись сидеть за столами, высыпала на улицу и затеяла там танцы под гармошку, баян и магнитофон, он не выдержал, выскочил в круг и, задирая то одного, то другого парня, рванул на груди рубаху так, что посыпались на ней пуговицы, и закричал своё излюбленное:

— Ну, выходи, кто смелый!

В ответ ребята лишь усмехнулись, стерпев надрывные его придирки и крики, и опять же не потому, что не нашлось на всей свадьбе храбрых и смелых, а потому, что действительно, чего связываться с дураком, портить праздник и себе, и Наташе, срамить её родню перед лицом мужа.

Тогда Стенька стал приставать к мужикам постарше, давно женатым, остепенившимся, “дружкам”, повязанным по обычаю на свадьбе через плечо вышитыми рушниками. Но те и вовсе отмахнулись от него, как от назойливой мухи: кричать кричи, а рукам воли не давай.

Больше приставать Стеньке было вроде бы не к кому (остались нетронутыми только старики да мальчишки-подростки), пора бы и успокоиться, танцевать-веселиться, как другие гости, или посидеть где-нибудь в сторонке, пережить хмель, тем более что Наташа несколько раз подходила к Стеньке и просила не затевать скандала. Но кровь кипела и играла в нём, глаза совсем одурманились, налились такой яростью, что казалось, если она не вырвется сейчас наружу, то Стенька упадёт посреди круга замертво. И тут он словно впервые увидел мужа Наташи, жениха, молодого татарина или казаха.

— А ты, косоглазый, — крикнул он ему прямо в лицо, — Руслан Кирибеевич, Одыхманьев сын, почему не выходишь?!

Стенька ладно что был драчливым и несносным, а в школе когда-то учился неплохо, и после школы библиотечные книжки любил почитать, так что кое-что знал и хранил в уме.

Наташа, упреждая Руслана, что-то шепнула ему на ухо, должно быть, сказала впопыхах, кто такой Стенька, и чего стоят его крики. Но Руслан, задетый за живое, уже вспыхнул, остановился напротив Стеньки и во всеулышание на чистейшем русском языке сказал:

— Отчего же не выйти? Можно и выйти.

И не успела Наташа и остальные гости опомниться, как Руслан снял с себя свадебный пиджак, галстук и рубаху и вышагнул в круг по поясе голый. Глядя на него, все просто ахнули: таким сильным, мощным и натренированным было его тело. Чувствовалось, что оно дано ему не только по природе и рождению, а ещё и накачено ежедневными упорными стараниями, что он атлет и спортсмен, может, каратист какой, самбиист или боксёр.

Стеньке при виде такой мощи и силы (сам-то он щупленький и неказистый, одно только утешение, что красная шитая по груди крестом рубаха) сразу бы отступить, пойти на попятную и примириться. Но надо было знать Стеньку: на попятную и примирение без боя, без битвы, он не шёл никогда — такой характер, доподлинно русский, разинский. Не пошел он и нынче.

Руслан действительно оказался мастером какого-то восточного единоборства. Выйдя в круг, он выбросил вперед себя руки с сабельно острыми ладонями и стал зорко следить за каждым движением противника. Стенька, привыкший драться по-деревенски, с широкого заплечного замаха, и на этот раз не изменил своей привычке, размахнулся, сколько можно широко (в плече даже что-то хрустнуло), и пошёл на Руслана буром, метя ударить того кулаком в голову. Но Руслан легко уклонился от этого простодушного замаха, передёрнул сабельно острые свои ладони и вдруг хлётко и отрывисто и с какой-то невероятной силой достал Стеньку прямо в переносицу. Кровь сразу хлынула у того из раны; рубаха его из красно-кумачовой сделалась алой, но удар Стенька выдержал. В драках он, несмотря на тщедушный свой вид, был удивительно вынослив и живуч.

— Ах, так! — сплевывая кровавую сукровицу, злобно закричал Стенька. — Тогда держись! — и опять в открытую, никак не сторонясь и не испугавшись, двинулся на Руслана.

Второй удар пришёлся Стеньке в грудь, перекрыл дыхание, сдавил горло. Жадно хватая широко открытым ртом воздух, он пошатнулся и едва не упал на колени; его ярко-голубые, с сиреневым отливом глаза вдруг сузились и как-то по-татарски скопились. Но и этот удар Стенька всё-таки вынес. Он лишь отрезвляюще мотнул головой и, стараясь хотя бы раз ответно задеть Руслана кулаком, сделал навстречу ему несколько нетвёрдых шагов.

Добил Руслан Стеньку с третьего удара, уже не такого сильного и хлесткого, пренебрежительного даже какого-то удара, вялого. Но Стенька от него, безвольно раскинув руки, упал на вспыленную землю ничком и затих.

Можно было ожидать, что сейчас за него заступятся деревенские друзья-товарищи (всё-таки своих, наших бьют), но никто за Стеньку не заступился. Подлинных друзей-товарищей у него не было: со всеми он успел перессориться и передрались.

Они лишь, приводя его в чувство, окатили ведром воды, а потом подхватили под руки и отвели домой отлёживаться и умирать.

Свадьба о Стеньке тут же и забыла, продолжила своё гуляние и веселье. А чего о нём помнить и горевать, когда каждый праздник заканчивается у Стеньки всегда одним и тем же: заполошным криком и побоищем. Все уже притомились от подобной разинщины.

— Так ему и надо! — законно гордясь отважным своим зятем, сказал отец Наташи. — Его давно пора проучить.

Хмельные гости единогласно согласились с горделивым Наташиным отцом — так и надо! А то, может, и пострашней не мешало бы: положить на плаху да отрубить голову, чтоб другим неповадно было.

Руслан тоже недолго пребывал в беспокойстве. Вымыв измазанные кровью Стеньки в бою руки, оделся и занял место рядом с Наташей. Отваги ему и вправду было не занимать. Это ведь не каждый-любой решится в чужом селе, среди чужого народа выйти один на один с главным их предводителем в красной рубахе. Выйти и победить, не опасаясь, что весь этот народ вдруг сплотится и встанет против тебя неодолимой стеной и крепостью.

* * *

Отлёживался, приходил в себя Стенька, наверное, недели две или три, а потом как ни в чём не бывало пошел на работу (работал он в образовавшейся на месте колхоза новой сельскохозяйственной артели трактористом и комбайнёром). Первый раз, что ли, бьют его до полусмерти и свои, и чужие. К тому же Стенька был не злопамятен. Залечив раны, он быстро забывал все нанесённые ему обиды.

Забыл и теперь.

Но летом, когда Наташа опять приехала в отпуск с Русланом, и её отец затеял по этому случаю родственную беседу-застолье, повторилось то же самое.

Приставать к своим деревенским несговорчивым ребятам и мужикам Стенька на гулянии-беседе не стал, а сразу, как только вдосталь выпил и захмелел, задрался к Руслану.

— Ну, Мамай Кирибеевич, выходи! — разрывая на груди рубаху до последней пуговицы, заголосил Стенька. — Видали мы такую орду!

И Руслан опять вышел. Бил он Стеньку в том поучительном бою с какой-то особой жестокостью, старательно и расчетливо бил, выбирая места побольней и позримей. Донельзя искровянил Стеньке лицо, оставив вместо голубых с сиреневым отливом глаз лишь узенькие монгольские щёлочки, да и те чернозёмно-чёрные, заплывшие ночным туманом. Кумачово-алую Стенькину рубаху Руслан изорвал в клочья (одни только рукава, считай, и уцелели), истоптал ногами и, уходя, бросил поверженному и уже почти бездыханному Стеньке.

И снова никто из друзей-товарищей не пришёл Стеньке на подмогу, не встал плечом к плечу перед грозным соперником, чтоб защитить если не самого Стеньку, то хотя бы порадеть за родное, отечественное село, всё-таки наших, своих быт. Но не встали. Стенькины дружки-товарищи лишь погрузили его на оказавшуюся под рукой бортовую машину и отвезли домой отлёживаться и набираться ума.

* * *

Всё повторилось и на следующий год, и на последующий, да, кажется, и на третий. Правда, бил теперь Руслан Стеньку уже без прежней злости и жестокости, нехотя даже как-то бил, по привычке, только бы не обижать Стеньку, которому, несмотря на все прежние уроки, очень уж хотелось быть побитым, да потешить гулевою Наташину родню.

А потом года три-четыре подряд Наташа с Русланом в селе не появлялись. То Наташа рожала сына Улугбека (Улушку, как его после стали называть у нас в селе), то навещали они родственников Руслана в Татарии или в Казахстане, то отдыхали всей семьёй где-то на юге, за границей. Руслан оказался парнем изворотливым, предприимчивым, у него было в Москве своё торговое дело — и они могли позволить себе такие поездки.

Стенька Колокольников за эти годы тоже неожиданно переменился. Может, действительно поумнел от частых поучений в битвах и драках, а может, просто время подошло ему поумнеть и остепениться — как-никак уже клонилось к тридцати. Но, скорее всего, перемена произошла в Стеньке оттого, что он, к удивлению односельчан, вдруг взял и женился. Ни одна своя девчонка, зная неспокойный Стенькин характер, за него ни за что бы не пошла, и он нашёл себе невесту в дальнем заречном селе, в Старых Боровичах, куда разбойная его слава пока не дошла, не долетела.

Жена ему попалась покладистая, ласковая, но характера упорного, строгого. Она где лаской и вниманием, а где строгостью и упорством быстро прибрала Стеньку к рукам. Да Стенька, кажется, и сам хотел прибраться, прильнуть хоть к кому-нибудь под защиту и понимание. В один год забыл он обо всех своих битвах и сражениях, сделался тихим и даже робким, каким был лишь в далёком раннем детстве. Чуть где ребята или мужики заскандалият и примутся махать кулаками, Стенька тут же отпрянет в сторону, а то и вовсе уйдёт домой к жене Анюте и недавно только родившемуся сыну-младенцу, Тимофею, Тимошке.

Но вот на четвёртый год Наташа с семьёй опять приехала в село (у неё к этому времени ещё и девочка родилась — Машенька). Отец, соскучившись по дочери, зятю и внукам, на второй день по их приезде созвал в доме богатую хлебосольную беседу. Зван на неё был и остепенившийся, утихомирившийся Стенька с женой Анютой.

Беседа поначалу текла тихо и мирно, гости, привечая в родительском доме Наташу с семьёй, заздравно пили и ели, затевали весёлые застольные пес-

ни, пускались в танцы и пляски. Первым застрельщиком всего был Руслан в зелёной, со стоячим по последней заграничной моде воротником рубахе, которая очень шла и льнула к его смуглому скуластому лицу, к его тёмно-карым с ночным отливом глазам. Но, распевая песни и искусно танцуя в паре с Наташей, Руслан нет-нет да и поглядывал на Стеньку, укромно сидевшего за краешком стола (петь и танцевать он был мало охоч, да и не обучен) и, похоже, думавшего какую-то свою потаённую думу. В последние годы Стенька стал время от времени так вот тяжело и безысходно, чисто по-русски задумываться. Взгляды Руслана он улавливал, но никак на них не откликался, хотя глаз и не отводил, не прятал, смотрел прямо и открыто. Руслан стал нервничать, беспокоиться и вдруг не выдержал, остановился посреди круга и во всеуслышанье задел Стеньку, вспомнил старое:

— Ну, что же ты меня не вызываешь, Илья Муромец? Или слабо?!

— Отчего же — слабо?! — прервал свою горькую думу Стенька. — Можно и вызвать.

Он снял красную рубаху, бережно сложил её и передал жене, которая решила, что Стенька с Русланом просто решили побороться, померяться силами, и особой тревоги не проявила.

Когда Стенька снял рубаху, то все гости лишь горестно покачали головами — такой он был щупленький и донельзя изработавшийся на тракторной своей и комбайнёрской работе, одни кожа да кости. И лишь кулаки у Стеньки от этой повседневной неразгибной работы гляделись непомерно тяжёлыми и сильными. Пудовые гири, а не кулаки. Но вряд ли он что мог сделать ими против искусного бойца Руслана. Помашет, помашет, да опять и падёт перед ним на землю ничком, окровавленный и посрамлённый.

Руслан же зелёной своей рубахи со стоячим воротом снимать не стал. Оно и верно, чего её снимать для минутной всего, победной схватки. Руслан лишь закатал на рубахе рукава и, лёгким пружинистым шагом выйдя в круг, выбросил вперёд остроносими лодочками ладони, заиграл ими, замелькал перед самым лицом Стеньки. Все ожидали, что сейчас он нанесёт ему сокрушительный свой удар в переносицу, и дело будет закончено. Молодая Стенькина неразумная жена, не сумевшая удержать мужа подле себя, пусть грузит его на какую-нибудь случайную телегу или машину и увозит домой, залечивать раны и окончательно умять.

Но Стенька, к удивлению гостей, жаждавших быстрого окончания боя (не всё ещё за столом было выпито и съедено, не все песни спеты, не все пляски станцованы), ловко уклонился от остроносых лодочек Руслана, поднырнул под них тщедушным своим телом и вдруг внахлёт с разворота ударил противника точно промеж глаз. Руслан от неожиданности обронил руки, погусиному дёрнул головой, потерял устойчивость и бдительность. Стенька тут же подловил его на этой оплошности, сокрушимо ударил вначале по одной острой скуле, а потом и по другой. Кровь хлынула у Руслана из рассечённых ран на зелёную его рубаху, и та сразу потемнела, сделалась почти чёрной.

Но сокрушающие эти удары Руслан выдержал: всё-таки бойцом он был закалённым и опытным. Опасно качнувшись назад, он в следующее мгновение опять обрёл равновесие, принял какую-то новую бойцовскую стойку и, низко наклонив голову, с гортанным, никому из собравшихся не понятным криком пошёл на Стеньку. Глаза его были широко (почти навывкате) открыты и превратились из тёмно-карих в нежно-голубые с сиреневым майским отливом.

Следующий Стенькин удар пришёлся Руслану в грудь, между рёбер. Он согнулся от него пополам, оборвал боевой свой клич и, пробежав в горячке ещё несколько шагов навстречу Стеньке, безропотно упал перед ним на пропылённую чёрную землю.

Вся ближняя и дальняя родня Наташи тут же бросилась к Стеньке и, если бы не отважная его жена, растерзала бы победителя на месте. Но жена, закрыв Стеньку своим телом, оборонила, сказала разъярённой родне таким голосом и таким тоном: “Только попробуйте!”, что мстители замерли на полушаге и отступились, почуяв, что Анята ради Стеньки ни перед чем не остановится.

Усмирив разгневанную толпу, Анюта помогла Стеньке надеть рубаху, застегнула её на все пуговицы и увела целого и невредимого домой, к малому сыну Тимошке.

* * *

Отлёживался, обретал заново жизнь Руслан у тестя, наверное, недели две. Тесть советовал ему написать заявление в милицию, чтоб Стеньку за такой разбой и надругательство привлекли к ответственности, судили справедливым народным судом. Но Руслан никакого заявления писать не стал, а, кое-как залечив раны (и нигде не показываясь на людях), прервал отпуск и раньше времени уехал с Наташей, сыном Улутбеком и дочерью Машей домой, в Москву.

Деревенские наши сострадательные жители думали, что больше он никогда в селе не появится. Это ведь каждый встречный-поперечный будет тыкать в него пальцем, вспоминать, как в кровавом побоище его победил тщедушный, малосильный Стенька Колокольников, у которого одно только утешение, что красная шитая крестом на груди рубаха. А каково выносить все эти тайные и явные насмешки Руслану — человеку гордому и знающему себе цену?!

Но он приехал, едва-едва пережив в Москве суровую, морозную зиму.

И снова повторилось то же самое. Во время беседы-застолья у тестя Руслан не сдержался, задел (и очень обидно) Стеньку и на глазах у притихших гостей, которые никак не смогли остановить его, вызвал в круг.

Стенька вышел. И с первого же замаха стал бить неудачливого Руслана смертным, беспощадным боем, усмирять чрезмерную его гордыню.

Случилась битва и на следующий и на последующий год. И каждые раз Стенька бил Руслана при стечении всего честного деревенского народа. Правда, и самому ему доставалось: алой горячей кровью умывался Стенька досыта.

Похоже, будет битва, побоище между Русланом и Стенькой и в этом году. Наташа уже написала отцу с матерью, что они приедут погостить в день Казанской Божией Матери — престольный день у нас в селе. Битва случится, в этом сомневаться не приходится (кое-кто так даже и с вожделением ожидает её, чтоб потешиться в престольный, праздничный день), а вот на чьей стороне будет победа, того знать не дано никому.

Но, может, Стенька с Русланом как-нибудь и помирятся. Делить им вроде бы нечего. Да и не малые они уже дети, а серьёзные, в зрелых годах мужики. Дай Бог, чтоб помирились, забыли всю прежнюю кровь и обиды. А то ведь, того и гляди, однажды выйдут в круг и сойдутся в смертельной битве их сыновья, Тимофей и Улутбек...